

ПОВЕСТЬ ОБ АФГАНЦЕ

Очнулся он уже в палате и первое, что увидел, было лицо медсестры. Не сразу понял, отчего она рядом и смотрит на него так встревоженно. Улыбнулся, как ему показалось, хотя вряд ли можно было назвать улыбкой ее жалкое подобие, и хотел привычно скинуть ноги с кровати, размять залежавшиеся (он это чувствовал) кости. Только напряг свое сильное тело, как медсестра привычным движением прижала его голову к подушке.

– Лежи, у тебя нет ног.

Ему снова захотелось, чтобы это было неправдой, чтобы он ослышался, но даже по складкам одеяла видел – тело стало короче...

Толик Синица был из тех парней, по которым девушки сохнут, – Бог не обидел ни ростом, ни статью, ни характером. Его любили и сельчане за покладистость, незлобивость и в армию провожали как положено, всей округой, не жалея напутствий, из которых он выделял главное – отслужи, как надо, и вернись.

Сначала была учебка в Ашхабаде, а с 30 октября 1982 года молодых солдат доставили в Афганистан, в город Кундуз. Расформировали пополнение по частям и Анатолий попал в 149-й мотострелковый полк. На третий день он, сержант, командир БМП, а фактически необстрелянный юнец уже участвовал в боевой операции – автомобильную колонну, которую было поручено сопровождать, обстреляли душманы.

Афганский период в жизни солдата растянулся на долгий год и 6 дней. Но Анатолий сознательно вычеркивает его из памяти и не любит рассказывать об Афгане даже самым близким людям. Естественно, что мне, незнакомому человеку, воспоминания пришлось вытаскивать, словно клещами, по крупицам. То ли потому, что мой собеседник искренне не видит в своей службе ничего героического – просто выполнял воинский долг (а фактически, как и десятки тысяч других людей, оказался втянутым в политические игры, в которых ставки были больше, чем жизнь), то ли не хочет беречь старые раны. А может, и то, и другое вместе.

5 ноября 1983 года взвод, как обычно, охранял колонну. И, как обычно, ее начали обстреливать душманы. Анатолий расставил по точкам людей, но не успел добежать до места, где должен был расположиться сам, как грохнул взрыв, пронеслось в сознании и в следующую секунду понял, что ноги у него нет. Подбежали ребята, подхватили под мышки, как вдруг снова раздался взрыв. По злой иронии судьбы Анатолий, прыгая на здоровой ноге, наступил ею на вторую мину. Кажется невероятным, но, лишившись обеих ног, истекая кровью, он вместе с тем не потерял сознания, воспринимая, правда, происходящее как кошмарный сон.

Машина..., госпиталь..., ослепительная белизна операционной. И все, дальше небытие.

... Он снова попытался приподняться, но медсестра мягким и сильным движением придержала его на кровати, повторив:

– Лежи, у тебя нет ног.

Потом были Кабул – месяц в госпитале, Ташкент – еще месяц в больничных стенах, наконец Ленинград. Здесь он прошел окончательный курс лечения, получив при выписке протезы и усвоив секрет: «Его составные ноги отличались от обычных прежде всего отсутствием эластичности. Он не знал их свойств и не выработал в себе привычки, своего рода рефлекса, чтобы менять положение ног при хождении, переносить тяжесть с пятки на ступню, делая шаг, и снова перекладывать тяжесть корпуса на пятку следующей ноги».

Это не мои слова. Так Борис Полевой писал о Маресьеве, но их вполне можно отнести и к Анатолию Синице. Анатолий тоже умел и мог добиваться своего – обладая недюжинной силой воли, постиг в госпитале, а потом в родительском доме усовершенствовал искусство ходить, так легко дающееся нам в раннем детстве. Единственное препятствие сейчас для него – глубокий снег («ноги» не может вытягивать и поднимать высоко), зато не боится ни гололеда, ни слякоти. Поднимается на третий этаж общежития, где проживает с семьей, и практически не пользуется машиной, которая, по его признанию, гниет на стоянке. Впрочем, будь бензин подешевле – ездил бы, избавляя себя от некоторых неожиданностей. Например, таких. Идет по городу обычный человек, пусть немножко неуклюжей походкой, улыбается попутчице и вдруг... одна его ступня остается сзади. Прохожие в недоумении, но все просто – в очередной раз в протезе сломались болты. Теперь-то, правда, такие казусы случаются гораздо реже – мастер постарался, а то приходилось доставать плоскогубцы (они в кармане постоянно, как носовой платок) и прикручивать с женой отвалившуюся деталь конструкции, посмеиваясь и подтрунивая друг над другом. А что остается?!

Впрочем, все это, как говорит Анатолий, мелочи жизни. Суть же в том, что, научившись ходить, молодой человек не захотел оставаться в роли инвалида, обреченного на жалость, и быть обузой на шее больных родителей. Приехал в Витебск, поступил в профтехучилище № 96, получил специальность регулировщика радиоэлектронной аппаратуры, направление на завод «Эвистор». Здесь с 1989 года и работает, сейчас – намотчиком.

Вскоро после окончания учебы женился, но не его вина, что дочка теперь растет без отца. Не выдержала первая жена испытаний, в особенности жильем, а правильной – отсутствием жилья, три года назад ушла. А он так и остался в общежитии, один на один со своей бедой, со своими проблемами. Кто из соседей видел его ползающим без протезов по полу, склонившимся в стирке над тазиком, у того сжималось сердце. Как у Татьяны, проживающей с Анатолием дверь в дверь. По доброте душевной она помогала соседу чем могла. Мало-помалу жалость переросла в большое чувство и в прошлом году они поженились. Скажете, счастливый, как в сказке, финал? Отчасти, потому что и этой семье предстоит испытание... общежитием.

Общежитие, в котором Анатолий проживает без малого 10 лет, коридорного типа. Общественная кухня, туалет, душевые в подвале – все это атрибуты временного жилья для учащихся. Но, как известно, нет ничего постоянного временного, а с началом перестройки жилищная перспектива и вовсе перестала маячить перед многими обитателями этого большого дома. На том же «Эвисторе», по словам председателя профкома, жилье не строится уже лет 5–6. Дом, заложенный как малосемейка, был «перепрофилирован» в кооперативный и то еле-еле достроен. Теперь на заводе жилья не предвидится.

Неудивительно, что общежитие, предназначенное для учащихся, потихоньку превращается в семейное. Более того, жильцы уже женят здесь собственных детей. При том, что имеют минимум удобств, вносят все возрастающую плату (300–400 тысяч за комнату, если нет льгот).

А Анатолию Синице в медицинских карточках пишут: нуждается в улучшении жилищных условий, жилищные условия неудовлетворительные. Только делу это помогает мало. Вот и бегают Татьяна с ведрами по длинному коридору по-прежнему – после каждого выхода мужа «на люди» ноги надо немедленно обмывать водой, иначе хлопот не оберешься – воспаляются, болят. Почему? Да потому, что для уменьшения трения конструкций о тело приходится надевать несколько пар специальных шерстяных чулок, и даже зимой ноги потеют тотчас. А если нет возможности обработать тело сразу же – ноги изотрет в кровь и некоторое время вообще не может пользоваться протезами. Тогда жизненное пространство Анатолия сужается до размеров комнаты – не поползешь ведь через весь этаж в туалет. А какая пытка поход в душ, когда протезы приходится надевать на мокрые ноги...

Только однажды в судьбе этого тихого, нетребовательного человека появился проблеск надежды. Ему сказали собрать все документы на получение жилья. Собрал, а вскоре раздался звонок-отбой: не получилось... Даже несчастную пенсию Анатолий до недавних пор получал по минимуму – 300 тысяч рублей в месяц. Только благодаря жене удалось выхлопотать все, что было положено инвалиду второй группы, и в последние 2–3 месяца «пособие от государства» увеличилось до 600 тысяч.

Господи, как же мы лицемерим, когда высокопарно произносим: Родина помнит своих героев. Ни ей, ни тем, кто в 80-е годы отправлял на душманские мины и под пули молодых парней, нет сегодня никакого дела до одного из них – безногого Анатолия Синицы, не рожденного ползать. Но, может, пора отдавать долги!

К слову. Боевая награда – орден Красной Звезды – нашла Анатолия только в 1984 году. Когда он вернулся под крышу отчего дома и во второй раз в жизни учился ходить.

Н. Писаренко